

коммуникативном пространстве “мы” другого идентифицируемого как другое о-смысляющее существо.

В экспериментальных ситуациях сопротивление природы осмыслению обычно выступает как рассогласование между теоретически вычисленными значениями и эмпирически измеренными. Порядок вещей в природе “возражает” порядку идей в голове ученого. В этом рассогласовании экспериментатор может услышать возражения природы и как недостаточность теории, и как неточность самой экспериментальной процедуры. Пожертвует ли он теорией во имя факта или фактом во имя теории — результат непредсказуемого стечения обстоятельств.

Роль смысла в языковой игре также самая. Он — существенный элемент герменевтического пред-понимания. В акте чтения текста автора читатель “набрасывает” смысл на возможный результат чтения, обеспечивая пред-сказание возможного высказывания или предчувствие результирующего аффекта чтения. Рассогласование предчувствия со случившемся аффектом, а предсказания с совершившемся движением высказывания не только провоцирует следующий виток опробывающего движения осмысления, и одновременно создает переживаемые границы на которой самость читаемого сопротивляется самости читающего. Многообразии подобных границ, которые актуализируются по ходу разговора по поводу смысла образует некую конфигурацию самостей говорящих в коммуникативном пространстве разговора.

Вместо заключения

Первоначальные контуры, которые возникли из совместного рассмотрения феноменов языка и синергетики, наметились следующие. Уже на первый взгляд, исходя из такой тривиальной предпосылки, что синергетика как научное направление неизбежно прибегает в своем изложении к языку и тем самым следует его правилам, правда, уже по поводу своего предмета, образует специфический язык синергетики. Таким образом, в синергетике, как относительно новом научном направлении идет формирование еще одного языка в Языке. Очевидно, что в этой ситуации в Языковом пространстве неизбежно начинается процесс селекции, метафорического заимствования, уточнения смыслов и использования уже готовых значений из раз-

личных, но уже существующих языков. Хаотическое толкание, примеривание имеющегося в арсенале Языка, языков как кажущееся на первый взгляд общее с тем, что мы пытаемся описать как предметную область синергетики, упорядочивается, по выражению Ю.А.Данилова “ненулевыми точками пересечения”. Проступает “узнаваемая” переводная картинка, моделирующая динамические системы, иерархически организованные, открытые и нелинейные. Предмет синергетики имеет кроме того еще одну существенную черту — необратимость. Ее фатальная предопределенность смягчается уникальной неповторимостью состояний, в которых пребывает синергетическая система в каждый момент своего существования.

Возникает ощущение, что Язык “подсказывает”, “наводит” синергетику на рассмотрение проблем уже своей предметной области. Кроме этого достаточно очевидно сходство методологических приемов, которые доминируют в языке и синергетике — присутствие, совместно с объектным языком, языком описания своего предмета, метаязыка. Языка, на котором идет диалог между субъектами, включенными в языковое пространство. В процессе коммуникации участники договариваются, заключают конвенции относительно правил употребления слов, понятий, если не непосредственно, то “опосредованно через приборы, системы знаков, теории, разные языки” (В.И.Аршинов).

Конечно, столь значительное сходство между языком и синергетикой не снимает с рассмотрения их различие. Но хотелось бы отметить, что существующее различие между ними работает на уточнение и обогащение понимания специфических особенностей как языка, так и синергетики. Например, отсутствие на сегодняшний день философского осмысления синергетической проблематики адекватного ее широкой востребованности, начиная от естественных наук и кончая гуманитарным знанием, может быть восполнено уже накопленным в лингвистике и в философии языка. По крайней мере учет существующих направлений в этих разделах знания таких как логическое, сравнительно-историческое, структурное и конструктивное, поможет более сознательно, разбирая синергетический язык, посмотреть на саму предметную область синергетики. Так и синергетика, в свою очередь, может привнести в языкознание некоторые элементы строгости естественнонаучной дисциплины.

Таким образом, создаются условия естественного размыкания и наполнения естественнонаучного знания, каковым по происхождению является синергетика, гуманитарным. Однако остаётся вопрос — почему все-таки, рассуждая о синергетизме языка и о схожести и раз-

личии проблем, истари решаемых в языкознании, с проблемами, просматриваемыми в новом контексте возникшей сейчас синергетики, мы вынуждены самим ходом интересующих нас проблем обратиться к рассмотрению смысла и смыслообразования? Не потому ли, что в научном, но и не только, обиходе мы обращаемся к языку, когда он перестает быть само собой разумеющимся, когда возникают проблемы с выражением того, что мы хотим сказать. Не потому ли, что поиски смысла и его установление относительно независимо не только от традиционных вопросов, решаемых в процессе познания: как то истинности или ложности того или иного осмысленного утверждения, так и обоснованности, т.е. доказательности этих утверждений, но и от самого процесса познания, однако тем не менее необходимо присутствуя в нем. Другими словами, процесс смыслообразования проходит как бы сквозь, через процесс познания, не исчерпываясь им и объемля его. Свидетельством этому является тот факт, что смыслом для нас обладают известные, но непознанные вещи, и что не всякий смысл вербализован.

И если в современной гносеологии включённость познающего субъекта в познавательный процесс почти не вызывает споров, то смысл в своей телеологической роли всегда оказывается трансцендентен этому субъекту. Смыслы, подсказываемые языком и способные закрепиться в нем на время, не чувствуя “сыновей благодарности”, уходят в иные пространства, структурированные не только грамматикой языка. И именно присутствие в языке механизмов смыслопорождения делает границы языка открытыми. Консерватизм грамматического ядра проходит проверку на лояльность ко всему, что происходит в его окружении. Тем самым феномены языка и его онтологию можно понять и принять только в постоянной и коррелированной соотнесенности с возникающими и уходящими смыслами.